ЛЮДИ ИСКУССТВА

Элина Быстрицкая, народная артистка СССР:

«ЖИЛА МЕЧТОЙ О ВЕЛИКОЙ ЖЕНЩИНЕ!»

ЛИЧНО я к чрезвычайно красивым женщинам отношусь, как посетитель вернисажа. У меня сразу возникает ощущение, что пустили поглазеть и потом надо возвращаться обратно на свое место, к прохожим на улице. И там, с прохожими, мне гораздо естественнее и лучше.

С Элиной Быстрицкой дело обстоит несколько иначе. Не сочтите за фамильярность, но она свойский человек. Я ее, правда, не видел на светских приемах, при вручении ей наград. А в обыденной жизни с ней хорошо. Она умна и обаятельна. Что, согласитесь, при внешнем великолепии не так уж и случается.

Как и всякая артистка (артист), она обязательно почитает свой вклад в искусство. Но при этом явно и недооценивает. Так исхлестывать свои же исполненные работы, как она! В наших разговорах мы, по сути, менялись ролями. Это я ей начинал вежливо доказывать закономерность ее успеха. Она со мной не просто спорила, а вскакивала и начинала показывать, как надо было бы сыграть тот или иной эпизод. Какая сильная творческая энергия!

И что не менее редкостно — высокая культура творчества. Но тут судьба ее, конечно, благосклонно сберегла: 30 лет в Малом театре, с самого девичества.

«Малый», рыцарь российского театра! Неизгладимо наследие его несравненных «стариков и старух», наследие их истовости, их культуры. А недавно-нынешние! Владимир Кенигсон, Иван Любезнов... Ах, Любезнов Иван! Его ретро на шестом часу после войны. Счастье и слезы!

Элину Быстрицкую взяли к себе актеры, которые, как мало кто другой, несли в себе Театр. Начиная от благородства русской речи и до трепетного отношения к самой мельчайшей репетиции. Уже после первого спектакля Александра Александровна Яблочкина сказала: «Я поняла все, что она говорит». Элина, по молодости лет, сочла тогда, что имеются в виду ее звонкий голос и чистая речь. Точна, точна была Александра Александровна!

У Быстрицкой отменный перечень созданных в Малом ролей. Изящество замысла, грация исполнения. Прямо скажем, не многие артистки умеют выйти на сцену «с веером». Но зрителю она все-таки более знакома по кинематографу.

Конечно, мне хотелось бы видеть Аксинью попроще. Несколько она для саблеострого Григория интеллигентна. Да мало ли чего мне надумалось... Но ведь она — именно Аксинья! Женщина немыслимой, естественной страсти. И убог тот человек, которому померещилось, что просто она «слаба на мужика». Быстрицкая исполнила любовь единственную и смертию оплаканную. Шолохов написал памятник Женщине. Быстрицкая облекла ее в плоть.

Сколько помню, с самого детства после очередного фильма перевоплощался в его героя. Шутил, как Ваня Курский в «Большой жизни», улыбался, как Сергей в «Истребителях». Ну, а уж «Подвиг разведчика»!.. Все ушло! И дело не в моем затянувшемся возрасте. Некому подражать. Актеры нынче наладились не на личное переживание образа.

А вот Быстрицкой подражали. Помните — «Добровольцы»! Эля Быстрицкая, Миша Ульянов, Петя Щербаков. Как истовы были в фильме их сверстники наших отцов. И помянете! Быстрицкая увековечила уже тогда женщину-заступницу, которую в сегодняшние дни мы, наконец, поминаем святым словом.

А участковый врач Елизавета Максимовна при великолепном партнерстве Сергея Бондарчука в «Неоконченной повести»! Скольких новорожденных назвали тогда Элиной, сколько девчонок тогда повалило в медвузы, чтобы стать участковым врачом. Как не надо, показать не столь и трудно. А вот, как надо... Чего уж светлее, чем принести людям свет?

Не слишком ли Элина Быстрицкая красива для серьезной работы? По-моему, в самый раз. Разве красота мешает Зинаиде Кириенко, Софико Чиаурели, Татьяне Дорониной быть выдающимися актрисами? Более того, когда я вижу их в ролях, я забываю, что они ведь и красавицы. В мемуарах одной нашей «звезды» еще немого кино есть язвительное наблюдение: «Сейчас во ВГИК на актерский принимают, как в школу разведчиков. Надо, чтобы был неприметным. Идет по улице, и чтоб на него никто внимания не обращал». Ух, уж эти женщины! Не будем лукавить, каждый из нас хотел бы быть очень красивым. Вот и полюбуемся на мечту о самих себе.

Допускаю, что кому-то актриса Быстрицкая не нравится. А вот великому композитору Стравинскому понравилась. И мне — тоже, хотя я и не композитор.

...Впрочем, все, что я тут пишу, общеизвестно. Так зачем же я так долго испытываю ваше долготерпение? А вот зачем. Взял текст на себя, чтобы не обременять Быстрицкую «торжественным разговором». Лучше уж вы сами с ней поговорите. Ну, с моей помощью.

— Элина Авраамовна, позвольте задать вам вопрос столь же древний, как и ваше отчество: «Трудно быть красивой женщиной?»

— Требований к себе больше. Заслуга моя невелика, родителям спасибо. А вот поддерживать себя ради актерской профессии — это уже труд. Всю жизнь, каждый день изнурительная гимнастика, осторожность в косметике, надо, чтобы это было твое лицо, а не нарисованное. Ну и, конечно, каждую минуту помнить, что ты женщина, дорожить в себе этим, благодарить за это судьбу.

А вообще-то, поверьте, не кокетничаю, это приносило и много тягот. Ведь иной раз к тебе относятся «поэтому и только поэтому». И в жизни, и в предложении ролей. Хотя нет, на режиссеров мне грех жаловаться, они все-таки в душу мне заглядывали.

— И что там?

— Я последнее время беспокоюсь — зачем живу? Видимо, у каждого из нас есть «задание». Думаю, мне «поручение»: донести до людей свет, который способна воспринять и передать. Идет некое накопление чувств, мыслей, опыта. Поверьте, это «накопленное» становится мучительным, болезненным, от этого необходимо избавляться. Это как наваждение. Выход один — роль. А если ее нет? А вы думаете, получить любимую роль так просто? Сколько их, несыгранных!

Вот не так давно я нашла очередной «выход»: моноспектакль по книге Светланы Алексиевич «У войны неженское лицо». Он назывался «Случайный вальс».

— В этом выборе была тоже случайность или закономерность?

— Выбор случайным быть не может. Прямо в 41-м я, совсем девчонка, пошла работать во фронтовой госпиталь. А он дальше, чем в одном пешем переходе от линии огня, не располагался. К бомбежкам привыкла. А вот пулеметный обстрел! И еще запах незахороненных, лишь присыпанных землей.

Несколько лет назад была в Донецке. Дом, где госпиталь располагался, сама бы не нашла, но все двери, все закуточки, чуланчики вспомнила до единого.

В общем, до 44-го: госпиталь № 3261, полевая почта 15938.

Так что выбор спектакля не случаен.

— А почему раньше не возникала потребность в таком спектакле?

— Не скажу, чтобы не возникала. Но книги **такой** не встретила.

Тогда и еще вот что произошло. Мы стояли в станице Обливской. И жила я в доме роскошной станичницы. Полы крашены, горы подушек. Красавица писаная. А стать! Нравная, вольная. Правда, от бомбежек забивалась под кровать, затыкалась периной и визжала. А в остальном — вылитая Аксинья. Точно вам говорю, уже тогда неосознанно, конечно, эта мечта засела. Даже в театральном училище отрывок из «Тихого Дона» показала. Но преподаватель сказал, что мне надо «Луизу у Шиллера играть». Как ужасно в искусстве неверие в тебя. И как дорога и плодотворна вера в тебя. Ни Сергей Аполлинарьевич Герасимов, ни Михаил Александрович Шолохов ничего «про Луизу» говорить не стали и единодушно утвердили на роль Аксиньи.

На меня, конечно, огромное впечатление произвел Михаил Александрович. Помню, я его попросила во время съемок: «Михаил Александрович, родненький, отвезите меня к Аксинье. Я же знаю, она жива». У него глаза сине, а тут уж такими синими стали. Повздыхал, поотворачивался А потом сказал: «Глупенькая, я же все это выдумал». Как же, так я ему и поверила! Но не отвез.

— А после Аксиньи трудно было как актрисе?

— Очень! Я ведь мечтала играть великих женщин: Татьяну Ларину, Анну Каренину, леди Макбет Мценского уезда. И были интересные роли. Но потом я поняла, что самая великая женщина у меня позади и такой больше не будет. Аксинья — это величайший человеческий масштаб.

Завидую ли я актрисе, которая сыграет Аксинью в новом фильме Бондарчука? Еще как! Такую жизнь в роли прожить! Но что ж делать, пусть те, кто следует за нами, будут лучше нас.

— Известная актриса, красивая женщина не может не быть в определенной мере эгоистичной, амбициозной. А как же партнерство?

— Господи, какой еще там амбициоз! Я играла рядом с Черкасовым, Пашенной, Бабочкиным, Гиацинтовой. Какой еще там амбициоз! Да следы ног целовать! Амбициоз?! Как они наполняли роль своим существом!

А разве мне нечему было поучиться у Зины Кириенко, у Пети Глебова? А у нас в Малом! Даже те, кто считается «середняком»,— это такая высокая культура исполнения. У нас есть свои недостатки, но никому из моих товарищей не присущ современный «шик небрежности».

Священнодействуем в силу своих скромных возможностей, но священнодействуем.

— Вы имеете в виду личную совестливость?

— Если угодно. Я была в Чернобыле. Мне там говорили: «Надо работать так, чтобы не стыдно было перед товарищами и чтобы приехать домой и не стыдно было перед сыновьями». Это говорили «люди эпицентра». Кое-кто из них уже знал, что не вернется.

— А вы хотели бы быть неактрисой?

— Что же вы так запоздали с этим вопросом? Где же вы раньше-то были?

Когда мама и тетя Туся увидели меня, девчонку, исполняющей «Восточный танец», с голой спиной да еще с каким-то пером в прическе, они ужаснулись: «Девочка, не заняться ли тебе каким-нибудь серьезным делом?» Их уже нет, и папы нет. И с кем теперь посоветоваться?

...А город за окном был прекрасен. И падал тяжелый, невесомый снег. И все вокруг было очень красивым.

Э. ГРАФОВ.

● *Элина Быстрицкая.*

Фото А. Сизухина.